

О жизни и творчестве Эффенди Капиева

«Родина, ты одна бессмертна, как мать... Пусть молодость моя откликнется в твоём доме»

13 марта исполнилось 111 лет со дня рождения известного писателя, прозаика, литературоведа, публициста и поэта-переводчика Эффенди Мансуровича Капиева.

Жизнь и творчество Эффенди Капиева – это замечательная симфония дружбы, любви и веры. Но и этой симфонии не было суждено закончиться. Он не успел завершить свою самую заветную книгу, о которой мечтал. Все его творчество, вся жизнедеятельность его – это поиск. Как златокузнец ищет свой неповторимый, единственный узор, так Э. Капиев всю жизнь упорно искал свой путь в литературе. Искал, нашел и... сгорел. Но все, что он создал, – от названий первых книг и до последних записей – для нас с каждым годом приобретает все большее значение и звучание. Его наследие – это зов и завет, заповедь и завещание бессмертного поколения, потом своим создавшего богатства нашей Родины и кровью своей защитившего честь и свободу ее. Все, что написал Эффенди Капиев, написано о нас и для нас. Неслучайно главным эпиграфом для главной своей книги «Поэт» он взял знаменитые слова А. М. Горького: «Эй вы, люди! Да здравствует ваше будущее!».

Эффенди Мансурович Капиев родился 13 марта 1909 года в высокогорном Дагестане, лакском ауле Кумух, в семье мастера-кустаря, гравера и ювелира. По рассказам его неграмотной матери, Эффенди родился через полгода после смерти бабушки, в тот год, когда отец Мансур, продав своего осла, в дом привез несколько фунтов винограда, в тот год, когда в Темир-Хан-Шуре был убит пристав. По этим «справкам» сам Эффенди установил, что он первый мальчик и четвертый ребенок в семье, родился в 1909 году. Вместе с материнским молоком мальчик впитывал сказочную мудрость песен и песенную сладость сказок своего народа, которые запомнил на всю жизнь. Детские годы он провел в Ставрополье, находясь там с отцом-отходником, там же обучился русскому языку и познакомился со стихами Пушкина и Кольцова.

В то время в стране происходили события, значение и величие которых Капиев осознал лишь позже. Шла революция. Она спрашивала у каждого бедняка: «О чем ты думаешь? Какие у тебя невзгоды, бедняк, а ну, посмотрим!»

«Я не могу гордо сказать – писал Эффенди с некоторой болью, – что родился поздно, что выносил на штыке своем сквозь дым, сквозь пламя, сквозь взбудораженную гущу тех дней Октябрьскую победу. Я не растил, я не вздымал ее. Творимая отцами моими, она с могучим грохотом и гулом вошла надо мной, над землей, яркая, как комета и, осветив все темные, пугающие трущобы, стала расти, шириться, шириться...»

Именно в те дни революционных схваток Капиевы уложили свои бедные пожитки в крытый калмыцкий фургон и ночью тайком покинули селение Аркаки. На пыльных улочках того селения осталась часть детства поэта. Год продолжалось скитание семьи по дорогам войны. Наконец больные тифом они добрались до Темир-Хан-Шуры и остановились в доме Аччуни Саидгусейнова, у невесты поэта и революционера Гаруна Саидова, к которому Эффенди был по-мальчишески привязан и который рано научил его думать. Но вскоре Гаруна Саидова казнили деникинцы. С тех пор Эффенди Капиев становится вдумчивым и взрослым. Когда в семье появился новый сын, младший брат Эффенди, то ему по просьбе старшего брата дали имя Гарун. Знаменитое же

стихотворение поэта и революционера «Свобода – свет, мать – свобода», ставшее песней красных партизан, позже Капиев блестяще перевел на русский язык.

Эффенди Капиеву рано пришлось встать на самостоятельный путь, мыслить достойно и независимо.

Гонимый нуждой отец снова уезжает на заработки в надежде спасти и вернуть свое имущество, оставленное на попечение кунака. Мать поступает на консервный завод чернорабочей. Эффенди тогда было одиннадцать лет. Позднее он вспоминает: «Мать свою я видел только раз в сутки. Поздно ночью тихо приходила она домой, ни слова не говоря, раздевалась, падала на постель и засыпала. Порою я слышал слабые стоны, и тогда мне становилось жутко, бесконечно жаль ее, сестер, себя... Матери моей было около сорока лет, но прежде времени поседевшая, она выглядела старухой».

Тяжелое материальное положение семьи и великая, неутолимая жажда к знаниям привели юного Эффенди сначала в школу-интернат для горцев, а потом в Дагестанский педагогический техникум. Здесь и посетила Капиева сокровенная муза. Она разбудила в нем лучшие чувства, зажгла огонь любви, благородства и красоты. Она расширила границы его эстетического восприятия мира. Жизнь для него становится интересной и прекрасной. Поэзия, которая качала колыбель его детских грез, сопровождала повсюду, теперь становится частицей его жизни, главной движущей силой душевных порывов отрока и юноши. Потом она целиком овладевает им.

Любознательный юноша жадно читает все. Пишет сам. Выступает. Путешествует. И не раз, поднявшись на «Кавалер-батарею» – на эти каменные громады перед бывшей казармой царских войск, а теперь уже перед Темир-Хан-Шуриным педтехникумом, расстегнув на груди рубаху, читает на ветру своим школьным товарищам стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Хетагурова. Временами увлекается баснями Крылова. Юноша жил беспокойно, словно орленок, который готовится к первому полету. В мечтах же он летал над горами в белых папахах, над полями, лесами, над синими морями.

В 1928 году, после окончания Буйнакского педагогического техникума, он некоторое время учительствовал в Аксайской семилетней школе, где преподавал русский язык. Будучи учителем в селении Аксай, девятнадцатилетний Эффенди Капиев стал вести свой «Дневник педагога». Туда он вносил свои наблюдения, маленькие рассказы, стихи. В них пока не чувствовалось большого жизненного опыта, но все же это были его собственные, капиевские размышления. Эффенди пишет разные варианты разных рассказов, имевших место в жизни и придуманных. К нему приходит чувство недовольства собою, первый и необходимый признак настоящего таланта и цельности натуры. Он организует суд над собою. Вот его выводы о своих первых рассказах:

1. Нужно иметь свой стиль.
2. Язык надо еще и еще шлифовать.
3. Нужно создать во что бы то ни стало эмоциональную напряженность в повествовании.
4. Язык говорящих надо стилизовать.
5. Нужна типичность, а не исключительность.

Однако учебный год Эффенди не закончил, он был арестован в апреле 1929 года по подозрению в связи с одним из жителей селения – Будай-Ханом, бывшим царским офицером. Позже, в 1930 году, по путевке комсомола Капиев продолжал учебу в

Ленинградском машиностроительном институте, но из-за болезни прервал учебу и вернулся в Дагестан. Работал в редакции кумыкской газеты «Товарищ», позже – ответственным секретарем журнала «Строительство Дагестана» и «За коммунистическое просвещение».

Началом литературной деятельности Эффенди можно назвать 1931 год, когда в газете «Красный Дагестан» был опубликован его рассказ – «Приговор приведен в исполнение». Тогда же Эффенди первым в Дагестане начал переводить произведения дагестанских поэтов и прозаиков на русский язык. В начале 1932 года Капиев в 22-летнем возрасте становится ответственным секретарем ДАПП (Дагестанской Ассоциации Пролетарских Писателей).

В 1934 году состоялся первый съезд дагестанских писателей, который стал памятным событием в истории культурной жизни дагестанского народа. Много им было сделано в преддверии этого съезда. Капиев собирал и спланировал литературные силы Страны гор, редактировал первый и единственный номер литературно-художественного журнала «Штурм» и книжку «Дагестанские поэты».

На самом съезде наряду с горячими, достойными выступлениями звучали нотки о беспомощности, слабости письменной литературы республики. Одни хотели выгоды от молодости нашей литературы, другие просили скидки на малочисленность наших народов, третьи ссылались на позднее развитие нашей культуры.

И тогда встал молодой Эффенди Капиев. Он вышел на трибуну и провозгласил: «Золотое детство дагестанской литературы прошло. Да здравствует зрелость, и никаких скидок». С тех пор под этим девизом проходят все съезды писателей.

Тогда же Э. Капиев вошел в состав Правления Союза писателей Дагестана, был избран делегатом Первого съезда писателей СССР. Вместе с группой литераторов из союзных и автономных республик Эффенди встречался с А. М. Горьким на его подмосковной даче в Горках, где читал свои переводы стихов. В том же году он становится членом только что созданного Союза писателей СССР, а в государственном издательстве «Художественная литература» (ГИХЛ) выходит в свет первая дагестанская антология «Дагестан», составленная и отредактированная Капиевым.

В 1935 году Капиев переехал в Пятигорск, где работал в редакции газеты «Молодой ленинец». В том же году он побывал в селении Ашага-Стал у народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, где возникло творческое содружество двух писателей.

С 1937 года Эффенди полностью отдает себя литературной деятельности, много ездит по Дагестану, собирая и записывая фольклорные материалы и произведения дагестанских поэтов, представителей устной поэзии.

В декабре 1938 года на декаднике новеллистов в Московском клубе писателей Капиев читает одну из глав рукописи «Поэт». В 1940 году принимает участие в работе Всесоюзного съезда фольклористов в Москве, а в ноябре на встрече с творческой интеллигенцией в Институте истории, языка и литературы в Махачкале читает главы рукописи «Поэт», прототипом главного героя которой стал Стальский.

Не все книги, созданные им, удалось Эффенди Капиеву увидеть напечатанными при жизни. Но две книги горской поэзии, два необыкновенных сборника он все же увидел. Это были «Песни горцев» и «Резьба по камню». В них сегодняшние горцы узнают себя и своих соседей – единых по духу, по душевному складу, по быту и по образу мышления. В то же время обе эти книги являются как бы шапками-эпиграфами ко всему тому, что

писали дагестанцы о себе и пишут сейчас. Их можно показать как удостоверение личности большой, но не шумной судьбы малочисленных горских народов. Дагестанцы всегда будут благодарны автору за эти книги, ставшие для многих настольными.

Эффенди Капиев был неутомимым искателем, вдохновенным первооткрывателем древних песен дагестанских горцев, произведений и жизнеописаний классиков дагестанской поэзии: Махмуда, Батырая, других известных и малоизвестных певцов. Он первым открыл для всей страны своих современников, народных поэтов Сулеймана Стальского, Гамзата Цадаса, Абуталиба Гафурова. До Э. Капиева песни горцев без основания и предвзято относили к некоей условной восточной поэзии, считая их излишне слащавыми, слезливыми, цветистыми. Но он показал и доказал, что древняя поэзия Дагестана в целом и каждого из его народов в отдельности существует как творчество самобытное, неповторимое. Вот песня о Хочбаре, песня об Айгази, песня о Хаджи-Мурате, большие циклы о любви, о героях... Невозможно спутать их с другими. В каждом из них, от первой до последней строки, чувствуется национальное начало и общечеловеческая сущность. В его переводах нет ни одного лишнего слова, и в каждом из них – молчаливый, суровый, твердый характер горцев. Вот как чувствовал и передавал Эффенди Капиев дух народной поэзии. В то время Горький назвал Сулеймана Гомером двадцатого века. Он стал огромным явлением и событием зарождающейся новой дагестанской поэзии. Капиев блестяще перевел знаменитую поэму певца любви Махмуда «Мариам». И Н. С. Тихонов писал из Ленинграда: «Это же большой поэт, кавказский Блок. Открытие».

Эффенди Капиев долго и упорно работал над переводами отца даргинской поэзии Омарла Батырая. И вскоре его чеканные восьмистишия, переведенные Капиевым, стали близкими и родными всем народам нашей республики. Открывая одного за другим поэтов-классиков родного края, радуясь собственному сознанию и убеждению, что не бедна каменная земля Дагестана самородками бесценными, поэтами большими, Капиев писал Н. С. Тихонову:

«Итак, в семье классиков... возле Шевченко и Лермонтова мы скоро будем видеть и одетого в азиатскую черкеску, с закрученными в кольцо гигантскими усами Махмуда, и приземистого Батырая, и еще многих кавказцев».

Когда началась Великая Отечественная война, Эффенди Капиев на фронт не попал по болезни. С первых дней войны он по заданию Пятигорского городского комитета обороны выступает с чтением своих произведений в госпиталях, на антифашистских митингах, перед воинами, отправляющимися на фронт, перед строителями оборонительных сооружений, выпускает сатирические агитки.

21 января 1944 года Эффенди Капиев ложится в Пятигорский госпиталь №5430, где умирает 27 января после неудачной операции по поводу язвы желудка. На могиле Эффенди Капиева в Пятигорске дагестанским правительством установлен памятник с барельефом писателя. На памятнике высечена надпись с его изречением: «Родина, ты одна бессмертна, как мать... Пусть молодость моя откликнется в твоём доме».

Вот что писал за полгода до своей смерти, в осеннее сентябрьское утро рядовой военный корреспондент Капиев: «Здравствуй, человек! Благословенны твои будни и земля, вскормившая тебя!». Надо быть человеком сильным, зорким, незаурядным, чтобы, пройдя через огонь суровых лет и неласковых годов, пронести такое глубокое чувство любви к человеку многострадальной земли и выразить его в конце жизни так проникновенно, искренно.

Отрывок из книги «Поэт»

Нет, ты не можешь
певцу запретить
в удовольствие
наше
То воспевать,
что в его зарождается сердце.
ГОМЕР.

Сулейман сидит на пороге сакли босиком, расстегнул ворот бешмета и по-стариковски согнул колени, В руках он держит посох. Перед ним на глиняном полу сверкает жаркий квадрат солнца, мешая ему смотреть на собеседника,

- Ты приехал ко мне в гости, а затеваешь спор, - говорит он равнодушно. - И вчера и сегодня одно и то же, - отдохни, не утомляйся, будто какой-нибудь доктор! Ты же поэт, ты должен понять: уходит конь - остается зеленое поле; уходит герой - остается его слава, Я не герой, и слава живого поэта, конечно, - не слава героя. Она непостоянна, подобно костру, пламя которого надо все время поддерживать: иначе пламя меркнет и перестает озарять лицо. Я еще жив, зачем же ты советуешь мне безделье? Оставь, Габиб!

- Но поэт должен быть бережливым. Ты же болен,

- Поэт должен быть щедрым, как соловей. Я не болен.

- Но сердце не кремень, Сулейман! Нельзя без конца высекать из него огонь.

- Слушай, Габиб, я думаю иначе. Груз пережитого лежит в моем сердце, как черный виноград. Он бродит, закипая пеной, и стоит мне только наклониться над ним, как самый запах его зажигает кровь. Этого достаточно тебе?

- Этого достаточно. Только виноград ведь может, в конце концов, перебродить, запахи выдыхаются быстро, и обычно под старость в сердце человека оседает горький уксус, Я не понимаю, что тогда делает поэт?

- Поэт умирает, - говорит Сулейман обиженно. - Почему ты разговариваешь со мной загадками? Ты же мне друг, а не враг, - сказал бы прямо: дескать, не пора ли тебе вовсе замолчать? На твоём месте другие давно, мол, валяются в углу, а ты все вертишься, старый жернов!..

Сулейман неожиданно широко открывает глаза и, стукнув посохом об пол, громко добавляет:

- Сказал бы ты мне так, Габиб, было бы лучше!

Он поднимается и, покинув порог, переходит в тень. Там он усаживается на красной ситцевой подушке и некоторое время хмуро молчит.

- Ты думаешь, Габиб, в моем сердце оседает уксус? - говорит он, вдруг глянув исподлобья, но уже миролюбиво. И, не давая мне ответить, тут же машет ладонью: - На свете много чудес, и ты, конечно, всего не знаешь. Разные бывают поэты. Дождь одинаково орошает землю, но в пустыне не растут ни мак, ни цветы.

- Пустыня не в счет. Это нечто мертвое, Сулейман.

- Пустыня - это пустыня, юноша! Мертвое всегда холодно, а пустыни иногда бывают горячими и полны жизни, полны всяких змей и скорпионов. Заметь: пустыня страшнее старости. Это болезнь, ржавчина, бесплодие души, и вылечить ее труднее, чем вылечить старость... Бывают разные поэты, как и почва!

- Но молодость, как правило, плодотворна!

Сулейман отрицательно качает головой и, задумываясь на время, вешает посох загнутым концом на плечо. Это означает, что он настроен к обстоятельной беседе и что ответ будет серьезным.

Тогда притихаю и я.

Солнечный квадрат, расползаясь, постепенно переходит в дальний угол сакли и ложится на ковры. Сулейман говорит неторопливо, изредка меняя позу и не выпуская

посоха из рук. Глаза его спокойны, и в них временами колеблется грусть.

- Ты слушай, Габиб! Говорящий сеет, слушающий жнёт. Ты слушай. Я расскажу, почему я не боюсь, что опустошится мое сердце, и почему я неутомим. Молодость много значит, но одна молодость, юноша, ничего не значит. Ты пойми: у настоящего поэта душа должна кипеть, как сад. Хорошие слова растут на высоких деревьях, а их нужно выращивать. Поэт тот, кто многоопытен и молод душой. Его любовь должна быть щедрой, как солнце летом (ветви сада цветут под солнцем!), его ненависть должна быть яростной, как река в грозу (корни сада питаются влагой!). Без этого заглохнет жизнь, и сад души вскоре обратится в пустыню.

В молодые годы мои я слышал, что истинная любовь, и честная ненависть, как два крыла, едины и что на них-то и парят орлы. Чем крепче крылья, тем выше полет орла. «Летай! - говорили мне мои учителя.

- Никогда не прощай даже маленькой обиды врагам, ибо с каждой прощенной обидой ты роняешь одно перо из крыла ненависти и спускаешься ниже. Если все герои - соколы, то поэт должен быть орлом: летай, раскрывай крылья пошире!». И сейчас я говорю то же самое всем, кто спрашивает у меня о вдохновении: «Летай!». Это закон, которым начинается песня...

Из фронтового блокнота

«Мы обратили внимание на множество книг, которые были рассыпаны по дороге. Это было на подъеме у выхода из города. Липкая осенняя грязь была здесь особенно глубока. Заинтересовавшись, мы слезли с мотоцикла. Это была чаша редчайшая библиотека по кавказоведению, которой немцы, покидая город, гатили дорогу, чтобы не буксовали машины.

* * *

«В Пятигорском гестапо была машина, которую называли «пекарней». В неё сажали приговоренных к смерти и, закрыв герметически, отвозили к месту, где ждали их ямы. Люди задыхались отработанным газом, и на месте выгружали трупы.

* * *

«Боец-разведчик Шейхов, лезгин, пишет письмо своей жене, мучительно думая, уединяясь. Оказывается, он все выдумывает ласковые слова, ласковые прозвища своей жене, ибо это единственное, что он еще может послать в подарок ей отсюда, с этих суровых пустынных кладбищ - ласка.
«Душа моя, свет мой, слеза моя».

* * *

«Похороны жертв гестапо в Пятигорске. Страшный холод, мороз, туман. И вот из-за поворота снизу медленно начинают подниматься вверх гробы на плечах людей - гробы, гробы десятками. Гробы начинают стекаться по всем улицам, со всех сторон сюда, на площадь. Величавое, плавное движение этих гробов на плечах черною людского потока. Вот они все выше и выше восходят па площадь... На руках несут детские гробики - один, другой, пятый... Да что это? Ужели им нет конца?

- Милый мой деточка, Ваня! - плачет старуха, наклоняясь и идя за гробом. - За что ж ты погиб?! Ой, люди!

* * *

«Подобно тому, как в древнем Риме был обычен в разгар пира вносить мумию, чтоб люди помнили о смерти, надо после этой войны завещать человечеству приносить в разгар пира портрет Гитлера, чтоб люди задумались и не забываясь, помнили бы и учли опыт нашего поколения...

* * *

«Она была ранена в ногу, но, однако, продолжала перевязывать раненого, укрываясь в воронке. Осколком снова ранило ее в обе ноги. Тогда она, упав, подняла окровавленный бинт и стала кричать:
- Кто ранен, подползайте ко мне! Я сама двигаться не могу!

* * *

«Артиллерист из станицы Абинской обстреливает свою станицу. А там его мать.
- Хай ховається. Я не ее, а немцев бью!..

* * *

«После ураганного огня тишина и в тишине шепот:
- Вылезай, гады!
Немцы, онемев от страха, подняли руки!